

Др. Эренджен Хара-Даван.

Тупики и исходы русской революции.

(Окончание).

Подобно тому как война рождает героев только во время национального расцвета у данного народа, а во время упадка его дает или тусов или изменников, точно также художественная литература отражает, как в зеркале, свою эпоху, в ее характеризующих чертах.

Во время национального расцвета она изображает в беллетристике и воспевает в поэзии национальных своих героев и героинь, а во время национального упадка литература отражает в себе лишь отрицательные черты своего народа. Расцвет русской поэзии олицетворяется А. С. Пушкиным и Лермонтовым, после же их больше не рождаются им подобные поэты. Беллетристика же дала лучших своих художников в лице таких мастеров слова как Л. Толстой и Тургенев, но они изображают мастерски главным образом отрицательные черты своего народа эпохи начавшегося национального упадка, подобно тому, как талантливые художники могут верно и яркими красками передавать на полотне гниль и развалину. Если взять всех русских классиков, то увидим, что самые лучшие и выдающиеся произведения их производят типы с отрицательными чертами, а не положительных национальных героев или героинь, подобно, напр., Орлеанской Деве во французской литературе.

Не странно ли, что русская литература, которую мы привыкли считать высоко гуманной, проникнутой высокими общечеловеческими идеалами, могла породить дикое варварство русской революции (во много раз превосшедшей азиатский деспотизм) коммунистической власти. Ведь русский интеллигент большевик — воспитанник русской литературы. Мы имеем несколько позднее признание и раскаяние в этом в печати Е. Чирикова. Русская литература виновна не только в создании аморальных и бездушных авантюристов и диких фанатиков, правящих теперь СССР, но также виновна и в воспитании бессильной, безвольной, мякотелой русской интеллигенции, без авторитета и связи со своим народом.

Безисходная лень Обломовых, неспособность ни к какой плодотворной работе Онегиных, Печориных, Райских, Кирсановых и пр., имя же им легион, нигелизм Базаровых, Волоховых; Карамазовщина, Смердяковщина — вот „герои“ упадочного периода нация, избилующего тишами гнили и разложения. Ничего способного к созиданию, ничего светлого, сильного, созидательного смысла и радость жизни.

„Русский интеллигент — пишет Достоевский — в огромном своем большинстве есть ни что иное, как умственный пролетарий, нечто без земли под собою, без почвы и начала, международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы“.

В императорский период Россия старалась всем аппаратом государственной власти „обрусить и оправославить“ все свои 106 инородческих наций. Эта задача не только не достигла своей цели, но имела обратное действие, потому что сам господствующий великорусский народ представлял из себя в своей Империи лишь одну треть: из 180 милл. населения их было только 60 милл.

Родственные же великоруссам народы и племена, — украинцы, белоруссы и даже казаки были урезаны в своих политических, культурно-национальных правах и мерами власти русифицировались, наравне с другими инородцами. Этот винигрет оказался слишком большим и неудобоваримым, чтобы он мог перевариться в русском желудочном соку.

По принципу, что всякое давление вызывает сопротивление, а угнетение вызывает пробуждение национального самосознания, мы видим после русской революции сильные центробежные стремления и у многих народов б. Р. Империи вместо централизма выявляется сепаратизм. Те народы, которые были уже к этому подготовлены, успели еще в 1917 г. отделиться: Финляндия, Эстония, Литва, Польша, а те народы, ко-

торые к этому не были подготовлены и революция загнала их тогда врасплох, готовятся к этому теперь: Украина, Кавказ, Казакция, Ср. Азия и Д. Восток.

Единый плод двухсотлетней обрусительной политики — это обрусение инородческой интеллигенции, приобщившейся к европейской культуре через русскую призму. Потому мы видим интересное для данного времени явление, в то время, как инородческие народные массы бывшей Российской Империи, как менее обрусевшие, живо ощущают потребность в свободе, их успешная обрусеть интеллигенция поделилась на две части. Одни из них слышат „звуки времени“ и смело идут с своим народом к освобождению от многовекового угнетения, с пафосом, верой и горячей любовью к возрождающемуся своему народу, а другие чувствуют в своей душе пустоту и переживают упадок русского народа вместе с ним.

Но, видимо, перелом произошел. Украинские коммунисты обвиняются своими московскими товарищами в сепаратизме, на Дальнем Востоке, Кавказе, Туркестане — то же самое. До недавнего времени в рядах русских с.-ров около Керенского был видный общественный деятель Туркестана Мустафа Чокяев, пока он не заявил в печати, что становится сепаратистом. Он стоит теперь за независимость всех 30 миллионов тюркских народов за Волгой, Каспием и в Ср. Азии, по требованию этих народов с родины.

В „штабах“ бывших российских партий, программы которых давно изжиты русской революцией, мы замечаем интересное явление, в психологии называемое „выпадением событий“. Несмотря на то, что российские демократы изжили свою программу, имея в своих руках власть от февраля до октября 17 г., социал-революционеры пережили уже свою революцию, а их и социал-демократический социализм изживается уже 12 лет „русским опытом“, никто из них свои программы и не думает менять.

Бывшие вожди также мечтают принести домой нетронутыми свои заветы, 10 лет храня их в консервированном виде в эмиграции, не желая знать, что они если и заветы, то уже ветхие, что они изжиты революционным периодом, а теперь ясно выявилась потребность в новых заветах.

Пора осознать, что там произошла не только политическая, а и социальная революция; она, подобно катаклизмам, бывший верхний слой народа или уничтожила или спустила вниз, а бывший нижний слой подняла вверх, разрушила старые мировоззрения и понятия и создала новые.

Когда русская эмиграция вернется домой, с своими застывшими на 1917 г. мировоззрениями то значительной части ее не поймет там народ, мировоззрение которых прошло все стадии, хотя недолго, но богатого своим содержанием революционного периода, 10 лет которого равняются столетию мирного периода. Эмиграция будет походить на шлизельбуржских узников, вышедших после 25 лет заточения и не узнавших Петербурга на много видоизменившегося внешне, а в своих беседах с интеллигенцией того времени они не понимали их, у них произошло „выпадение событий“ 25 летнего периода. Эти революционные вожди своего времени за 1/4 века отрыва от жизни мирного времени принуждены были представлять интерес только для историков, а не для современности.

Нельзя не отметить особенного сходства в судьбе римлян и великорусского народа. Рим во главе староримлян существовал как могучая нация в эпоху Циционов, в эпоху Пунических войн, когда боролся за право самостоятельного существования и вместе с тем могущественно стремился к расширению. В эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновники, откупщики, составляли привилегированное сословие „граждан“, они прилаживались в качестве орудий громадного державного механизма, но уже не были нацией, у них уже не

имелось необходимой для национальной жизни крепости, жажды расширения, воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Эту же разницу придется отметить между великороссами XVI и XIX веков. Катастрофа нашего времени без сомнения составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры. В XIX в. стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели и ослабел пульс жизни... События 1917 г. — апогей национального падения. На сцене современных событий были видны все нации Европы, кроме одной самой многочисленной, великорусской, которая уже 12 лет покорно подчиняется нигде небывалому террору половине миллиона большевиков.

Мало того, что национальное чувство пало, но мы видим признаки глубокого морального падения в повседневном быту эмиграции в особенности среди бывшего правящего класса аристократии и бюрократии. Никто из них не встал в свое время на защиту своего царя, никто не дал свою голову за него. Вернейшие слуги царя явили случаи поражающего морального падения. Не говоря о многих случаях поведения штатских, упомянем несколько случаев из жизни военных. Генералы Славцев, Добровольский предалися к большевикам, будучи уже в эмиграции; их примеру последовали начальники штаба ген. Кутепова, сперва ген. Доставалов, затем ген. Монкевич, предав несколько голов офицеров, посланных ими же в Сов. Россию для террористических актов.

Как представить возрождение нации в наше время? Когда дело идет о маленькой и однопациональной стране, как Ирландия, Финляндия и Эстония, то как будто дело ясно: на первом месте вопросы самоуправления, самобытной школы, печати. Но что бы значило возрождение государства, занимающего $\frac{1}{6}$ часть света с 150 миллионами жителей, из 106 наций с 366 разными языками по статистике 1922 г.? Как восстановить „Единую и Неделимую Россию“, когда ее народы уже с 1917 г. хотят жить каждый своей национальной жизнью? Опять возвращение к только что развалившемуся империализму? Но вель у всех инокорцев и подчиненных народов уже пробудилось заснувшее под росейским гнетом национальное чувство, они уже предвкушают всю сладость и счастье своей свободы.

Шамба Балинов.

Quos ego!¹⁾

(По поводу очередного „выступления“ ген. Богаевского).

В журнале „Р. К.“ № 4 Донской Атаман ген. А. Богаевский разрешился очередным лепетом против В. К., но ни одной живой мысли, ни одного серьезного слова, сплошная „интуиция“, догадки и... генеральская угроза.

К несчастью Донского Казачества, он носит высокое звание Донского Атамана, окружен ореолом избранника пятимиллионного народа и уже потому нельзя пройти мимо его „выступления“. Он — формальный политический и государственный вождь, „пожизненный“ глава Донского Казачества, но попирающий все основы представляемого им государства; политический вождь революционного времени, не имеющий никакой определенной казачьей идеи, никакой политической казачьей программы, — что может быть ужаснее для народа, имеющего в такое страшное и грозное для его судьбы время такого вождя!

Полная бессомнительность ген. Богаевского в защите поданных интересов Донского Казачества ярко иллюстрируется его поведением в деле предания суду ген. Врангелем Командующего Донской Армией в Крыму. Этот „эпизод“ заслуживает быть приведенным здесь.

Как это „дело“ возникло? Возвращавшемуся в Севастополь и на пути на несколько часов остановивше-

Возможно, что отделившиеся части б. целого будут ссориться между собой, обособляться, отделяться. Лишь постепенно освободившиеся народы образуют тесные группы и союзы, основанные на почве своих национальных, экономических или военных интересов. И только тогда из свободного соединения мелких союзов в союзы крупные получится нечто похожее на лигу народов Востока или нечто вроде соединенных штатов свободных народов.

Для того, чтобы опять пробудилась жизнь в истощенном организме господствовавшего великорусского народа, нужен (? ред.) долгий период одичания и варварства. Может быть нужно, чтобы люди бросили искусственную городскую жизнь, (? ред.) приняв к земле, коснулись нетронутых сил природы, предоставленные самим себе, вне всякой опеки, ушли бы глубже в физическую животную (? ред.) жизнь, чтобы набрать вновь потенциальной национальной энергии для возможного отдаленного будущего нового возрождения.

Наперекор закономерности исторического развития, русская эмиграция мечтает о начале возрождения Единой России через 2—3 года, хотя, правда, многие более трезво смотрят на это, многие „надолго“ устроились за границей или поприимали иностранные подданства.

Из исторических аналогий здесь подойдет превращение античных римлян, эллинов и средне-вековых монголов и персов, и итальянцев и новогреков, в современных монголов и персов.

Надо заметить, что продолжение распада Русской Империи и освобождение ее народов не будет только локальное, местное явление — это знамение времени мирового характера, нашелшее свое выражение после европейской войны в Версальском договоре.

Австро-Венгрия, Германия и Россия, распадаясь, освободили из себя Чехию, Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Румынию и Югославию. В Азии судорожно добиваются своего освобождения 360 милл. Индия и около 500 милл. Китай.

Слишком малочисленны господствующие нации, уже пережившие свой расцвет и склоняющиеся к упадку. Слишком велика правда за многочисленными угнетенными нациями, с пафосом и настойчивостью стремящимися к своему национальному возрождению, чтобы не поверить в окончательное торжество справедливости и человечности в этом мире.

муся в Симферополе ген. Врангелю журналист-осваивая Ратимов донес, что Штаб Донской Армии в Евпатории издает газету „Дон. Вестн.“, где „проводится мысль об отделении всего Казачества от России“. И ген. Врангель, по его собственным словам, тут же решил предать суду весь Штаб Донской Армии.

Вот как передает сам ген. Врангель в своих „Записках“ процедуру предания суду ген. Сидорина, Кельчевского и др. „Я предложил г. Ратимову проехать со мной в Севастополь. Прибыв туда, я немедленно послал за Дон. Ат. ген. Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера „Д. В.“ и предложил ему переговорить с Ратимовым. Оставив ген. Богаевского и Ратимова вдвоем, я пришел к себе в кабинет и тут же набросал приказ.

Закончив приказ, я вышел к ген. Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— „Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии“.

— „Да, конечно“... видимо с трудом, едва слышно, ответил атаман“.

(„Белое Дело“, кв. VI, Записки ген. П. Н. Врангель). Тут все от начала до конца замечательно! Как энергичный, честолюбивый, захвативший власть ген.

¹⁾ „Я вас!“ — возглас, с которым Нептун обратился к разбушевавшимся ветрам (у Виргилия).